

Из окружающей ее тьмы белым пятном проступило лицо, и в его глазах она увидела свою смерть. Она хотела закричать и не могла, замороженно глядя в эти глаза. Он чуть склонил голову, наблюдая за ней без злобы или удовлетворения, скорее с интересом. Наблюдал, как из нее уходит жизнь, как будто не хотел пропустить того момента, когда человек вдруг становится ничем. Когда еще мгновение назад живое существо вдруг превращается в... останки. Она нашла в себе силы усмехнуться этому слову, внезапно пришедшему на ум. Останки чего? Ее дурацких надежд, нелепой жизни. Жизни, которая ей принадлежала только наполовину, как и ее лицо. Неожиданно она ухватилась за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку. «Какое нелепое сравнение», — вдруг подумала она и тут же увидела себя в бурном потоке. Вот вода заливает ей рот, глаза, а она судорожно хватается все, что оказалось рядом с ней в этом водовороте: какие-то ветки, торчащие из воды, с мокрой слипшейся листвой, — и вместе с собой тащит их на дно. Вместе с собой...

«Я могу ему сказать, я могу! — решила она и даже приоткрыла окровавленные губы. Вкус собственной крови приводил ее в смятение, она вновь отказывалась верить, что все это происходит в действительности. Так много в ее жизни было придуманного, ненастоящего, что теперь собственную величайшую трагедию она отказывалась принимать всерьез. «Я скажу ему, и все прекратится, — подумала она, пытаясь не замечать его глаз, в которых читала свою смерть. — Он не убьет меня, он

решил проверить мои слова, а значит, сохранит мне жизнь. По крайней мере на какое-то время. Главное, выиграть время. Главное, главное...» И тут другая мысль пришла ей в голову, едва не рассмешив: сегодня, сейчас сбылась ее мечта — она наконец-то стала той, кем хотела быть все эти долгие годы. Для него, по крайней мере, так и есть. Невероятная насмешка судьбы. Плата за ничемную жизнь. Ей захотелось кричать теперь уже не от боли, а от дикой, испепеляющей жалости к себе. «Я не хочу! — в отчаянии подумала она. — Еще есть время, я все смогу, все успею, лишь бы сейчас, сию минуту не превратиться в бесчувственное ничто!»

Она пыталась ползти, ей казалось, она прикладывает невероятные усилия, чтобы сделать несколько движений и уйти от его глаз, но на самом деле все так же лежала, замерев в позе эмбриона. И вдруг — это движение ей далось совсем легко — ее взгляд переместился вниз, и она увидела свои окровавленные руки и собственные внутренности на бетонном полу. Крик ужаса замер в ее горле, она зажмурилась и мысленно зашептала как молитву: «Скорее, скорее умереть».

* * *

За моей спиной хлопнула подъездная дверь, а я воззрилась на небо, ожидая подвоха от петербургской погоды. На небе ни облачка, солнце радуется своим присутствием. Очень может быть, что долгожданная весна действительно явилась слегка внезапно. Впрочем, город знаменит тем, что погода здесь по-особенному капризна. Я взглянула на зонт в своей руке, крепкий, основательный, способный противостоять сильному ветру и оттого довольно тяжелый, и с грустью подумала: вот так всегда — если оставляю его дома, то непременно попаду под дождь, вымокну, подхватчу насморк, а потом, любясь в зеркале своей физиономией с покрасневшими носом и глазами, в очередной раз дам клятву никогда не

покидать дом без зонта, а если возьму его с собой, то он мне, разумеется, не понадобится. Мало того, я непременно забуду его в каком-нибудь кафе, куда придется спешно возвращаться, проклиная свою рассеянность и питерскую погоду.

Петербург не был моим родным городом, но я любила его больше всех городов на свете, вот только погода... Закинув зонт за спину (он у меня на длинном ремешке), я зашагала со двора, миновала арку, вышла к бывшему клубу «Спартак», который несколько лет назад пострадал от пожара и до сих пор стоял с заколоченными дверями и окнами, и оказалась на Фурштادتской.

В начале Кирочной, где я живу, растет лишь одно дерево, его крона гордо выглядывает из навеса, что рядом с магазином (в навесе специально сделали отверстие). Я обожаю этот город, но родилась в краях, где хватает места и людям, и деревьям, и, чтобы лишний раз не видеть странный симбиоз растения и магазина, предпочитала ходить по Фурштادتской. Особенно сейчас, когда пригретые солнышком деревья готовы подернуться зеленоватой дымкой, чтобы вдруг, в один момент, обзавестись листвой.

На 13.20 у меня была назначена встреча. До нее оставалось еще довольно времени, и я зашла в кофейню — тут же, на Фурштادتской, чтобы выпить капучино. Я устроилась возле окна, прихлебывала кофе и размышляла о преимуществах свободной профессии: не надо спешить в офис, страшась нагоняя от сердитого босса за очередное опоздание. Впрочем, в каждой профессии есть свои плюсы и минусы, хотя в настоящее время минусов в своей жизни я не видела.

Вообще у меня все складывалось вполне неплохо, если не считать замужества. Полгода я пыталась приспособиться к совершенно чужому человеку, решив, что он спасет меня от глупых мыслей и подоспевшего вслед за неудачной любовной историей пессимизма. Полгода ушло на то, чтобы понять очевидную глупость данной

затеи. Любовные драмы не лечат замужеством, если твой избранник попросту тебе безразличен. Мой муж о моем безразличии не догадывался и не мог взять в толк, чего это вдруг на меня нашло, когда я заговорила о разводе. Развод перешел в затяжную позиционную войну, в которой я несла потери, так как муж был к тому же моим непосредственным начальником на работе. Одному богу ведомо, чем бы все закончилось, если бы мне в голову не пришла счастливая мысль уехать в Петербург. Точнее, если бы моей дальней родственнице, проживавшей там, не пришла фантазия завещать мне квартиру, о чем я узнала с удивлением. Но тут же я усмотрела в этом намек от господина — мол, хватит заниматься ерундой, и через месяц уже работала в весьма солидной петербургской газете. Я считала журналистику своим призванием, за исключением очень краткого периода, когда вообразила себя великим русским поэтом. Но город, встретивший меня вполне гостеприимно, неожиданно внес свои коррективы: я занялась переводами и вполне преуспела в этом. Доставшуюся в наследство квартиру в районе проспекта Энергетиков я вскоре смогла поменять на двухкомнатную на Кирочной и теперь жила в свое удовольствие: ни тебе начальства, ни графика работы, ни ожидания вождя отпусков. По старой памяти я сотрудничала с несколькими газетами, и как раз сегодня должен был выйти мой очерк в одной из них.

Я взглянула на часы, отодвинула пустую чашку, поднялась, накинула куртку, напомнила себе, что я с зонтом, и вышла из кафе. Возле метро в киоске спросила газету, женщина пожалала плечами:

— Еще не привезли.

Я бодро зашагала в сторону улицы Восстания, время позволяло к месту встречи добраться пешком. Солнце сияло, в небе ни облачка, люди, с подозрением косясь на небо, нерешительно улыбались, пытаясь понять: верить или не верить заявившейся в город весне, а я начала испытывать странное беспокойство. Предчувствия

являлись ко мне часто и никогда не обманывали. Поначалу я решила, что моя маета относится к предстоящей встрече, — ничего путного из нее не выйдет, и вместо выгодного заказа я буду иметь неприятные воспоминания. Но встреча прошла прекрасно, и в смысле выгоды полный порядок. Оттого предчувствия насторожили еще больше: ничего на этот день у меня больше не было запланировано. Вот и гадай теперь, какую пакость подготовила мне судьба.

Я шла по Литейному в сторону своего дома, когда мне позвонила Алка.

— Эй, ты где? — спросила она.

Алка курила практически беспрестанно, оттого голос ее звучал хрипло, точно она с трудом успевала что-то сказать между приступами кашля.

— Иду домой.

— Что тебе там делать? Я в пиццерии на Невском, давай сюда.

— А в пиццерии мне что делать? — съязвила я.

— Есть пиццу, разумеется. Между прочим, мы не виделись неделю, я соскучилась. А ты, конечно, обо мне даже не вспоминала?

— А кто тебе звонил вчера четыре раза?

— Так это по делу. А для души?

— Ладно, буду через пятнадцать минут, — буркнула я, меняя направление.

В пиццерии Алка с видом мученицы разглядывала свои ногти. Она поцеловала меня и кивнула на газету, которая лежала на столе возле ее локтя.

— Читала. Ты молодец. Слушай, почему бы тебе не написать книгу?

— Детектив? — усмехнулась я и потянулась за газетой. Но тут подошла официантка, и я сделала заказ.

— Нет, серьезно, — вновь заговорила Алка, как только девушка отошла. — По-моему, тебе есть что сказать миру.

— Лучше он от этого не станет.

— Как знать, как знать...

Алка была на семь лет старше. Поэтому она считала своим долгом меня опекать, вбив себе в голову, что я трачу время на ерунду и оправдывает меня лишь то, что ерунда приносит неплохие деньги.

— Грех зарывать в землю свой талант, — изрекла она сурово.

Я пожала плечами:

— Я сильно сомневаюсь в его наличии.

На эту тему Алка могла говорить бесконечно. Как все лодыри, она не терпела, когда рядом кто-то не выказывал особого рвения к работе. Должность замредактора в бульварной газетенке ее вполне устраивала, и в своей жизни менять она ничего не собиралась.

— У тебя полно талантов, — махнула она рукой, точно мать на нерадивое чадо. — И не вздумай возражать. Иногда я даже думаю, что для одного человека их слишком. Если не считать неудачного замужества...

— Ты забываешь грустную историю моей любви, — засмеялась я. — Я ведь тебе рассказывала?

— Раз десять, я полагаю.

— Вот видишь. Мне не везет с мужчинами. Зато везет с деньгами. Сегодня точно повезло.

Пока мы ели пиццу, я поведала Алке о сегодняшней встрече и своих перспективах. Она кивала, невнятно мыча в ответ что-то одобрительное.

— Жаль, что обед заканчивается, — вздохнула Алка. — Так бы сидела и глазела в окно...

— Вряд ли бы тебя хватило надолго.

— Все-то ты знаешь, — хмыкнула она. — А очерк действительно хороший. Знаешь, иногда я непроизвольно тобой восхищаюсь.

Алка поцеловала меня на прощание и заспешила к выходу. Я понаблюдала в окно, как она переходит улицу. Когда она растворилась в толпе, я еще немного поглазела без всякой цели, потом придвинула к себе газету. Те времена, когда я с трепетом ждала публикации своих творений, давно канули в прошлое, но некое волнение все равно присутствовало. Сегодня оно усугубля-

лось предчувствием. Непонятным, оттого еще более раздражающим. Пока я болтала с Алкой, оно вроде бы отступило, зато теперь навалилось с новой силой. Невероятно, но руки у меня дрожали, когда я разворачивала газету.

— Черт-те что! — усмехнулась я. Даже если очерк безбожно сократили, забыв поставить меня в известность, это не повод так нервничать.

Через несколько минут стало ясно: никто на очерк не посягнул. Никакого карательного редактирования, все, как я задумала. В самом деле не без таланта, и фотография отличная. Весьма интеллигентное лицо, никто не сможет назвать меня безмозглой красоткой, хотя ради этого и пришлось водрузить очки на нос. Маленькая женская хитрость. Вот они лежат в сумке. Слава богу, вещь для глаз совершенно бесполезная, зато в смысле создания подходящего образа незаменимая.

Я насмешливо хмыкнула, вместе с тем продолжая гадать над причиной своего беспокойства. Оно не только не исчезло, но даже после того, как я убедилась, что очерк оставили в первозданном виде и фотография не подкачала, уверенно перерастало в состояние легкой паники. «Может, я уютю забыла выключить?» — подумала я. Самое бы время после такой мысли вскочить и бежать домой сломя голову, если б не одно обстоятельство: уютю я извлекала из шкафа минимум три дня назад. Это я точно помнила. Однако домой все-таки потянуло.

Я намеревалась уже сложить газету, и тут взгляд мой упал на соседнюю страницу. То есть он и до этого туда падал, но лишь теперь задержался на крохотной заметке с фотографией в черной рамке. Молодая женщина с моим лицом улыбалась мне со снимка, сделанного лет пять назад.

— Идиотизм, — произнесла я вслух. Хорошо хоть себе под нос. Таковое определение относилось к черной рамке, что обрамляла лицо. Светке ничего не стоило выкинуть дурацкую шутку, которую и шуткой-то сочтет лишь такой же больной на всю голову.

Смотреть на свое лицо в черной рамке было неприятно. Сходство в самом деле поразительное. Если б не блузка с рюшами (такой просто не могло быть в моем гардеробе), я бы могла подумать, что кто-то позаимствовал фото из моего архива. Заметка имела подзаголовок: «Памяти нашего товарища Старостиной Светланы». Шутки так далеко не заходят. Кстати, у меня были то же имя и фамилия, пока я не вышла замуж. После развода я оставила себе фамилию мужа: причиной послужило мое желание избавиться от Светки. Вообще избавиться таким образом от нее было немыслимо, но, по крайней мере, мы стали носить разные фамилии. Правда, я ожидала со дня на день, что она выйдет замуж за какого-нибудь гражданина Алексева только для того, чтобы вновь стать мною. «Она сумасшедшая», — с печалью подумала я, разглядывая фотографию. Перед глазами плясали буквы, которые весьма неохотно складывались в слова, такие же дурацкие, как Светкина затея быть мною. Как все ее затеи.

— «Памяти нашего товарища», — повторила я и наконец заставила себя прочитать, что там дальше, все еще не веря, что имею дело с мрачной реальностью, а не с очередной идиотской Светкиной выходкой. — «Обнаружен труп... убита в конце ноября прошлого года журналистка, работавшая в нашей газете... талантливый поэт... при невыясненных обстоятельствах... вышла в свет книга очерков... добрый, светлый человек... до сих пор неясно, кому была выгодна ее смерть, правоохранительные органы... в очередной раз приходится констатировать, что следствие не дало никаких результатов...»

Это не могло быть шуткой. Светка действительно погибла. Несколько месяцев назад. Была убита в моем родном городе за сотни километров отсюда. Неудивительно, что я ничего не знала. Кто-то из журналистов случайно узнал об этом, и вот появилась заметка в газете, в которой когда-то Светка работала.

Газета лежала на столе. Две фотографии напротив друг друга — ее и моя. И если б не очки на моей, сходст-

во было бы абсолютным. По крайней мере, на снимках. Светка будто смотрела на меня — на ту, что на фотографии, и загадочно улыбалась, а я пыталась решить, что это: случайность или указующий перст судьбы.

Разумеется, те, кто верстал газету, не знали о наших странных, чрезвычайно запутанных отношениях, но мне было трудно поверить, что это случайность: мой очерк на одной странице и заметка о Светкиной гибели на другой — как закодированное послание. И еще эти фотографии... Даже сама весть о гибели Светки не подействовала на меня так, как данное обстоятельство. И после смерти она не желала оставить меня в покое, отчаянно цепляясь за меня, не позволяя вырваться.

Я поняла, что уже довольно долго сижу, пялясь в газету, безуспешно пытаюсь справиться с сердцебиением и подкатившей тошнотой. Официантка с недоумением поглядывала в мою сторону. Я заставила себя встряхнуться, достала мобильный и набрала номер редакции. Лена ответила сразу.

— Что тебе не понравилось? — с намеком на удивление спросила она.

— Мне? А... нет, все просто отлично. Я звоню по другому поводу.

— Неужто спасибо сказать?

— Спасибо, — буркнула я машинально. — Здесь на шестой странице заметка о гибели Светланы Старостиной.

— Так и есть. Она работала в нашей газете.

Лена пришла в редакцию уже после Светкиного увольнения и о нашей истории вряд ли знала.

— Мы когда-то вместе работали, — заметила я.

— Вот как?

— Да. Не могла бы ты поподробнее рассказать, что произошло?

— История совершенно дикая. Ее убил какой-то маньяк. Поначалу была версия, что убийство заказное, но вроде бы она не подтвердилась. Хотя кто знает... В любом случае убийца настоящий псих. Говорят, он

распорол ей живот. Можешь такое представить? Мишка узнал о ее убийстве из Интернета. Вспомнили, что она работала у нас, вот и написали заметку. Ты ее хорошо знала?

— Более чем.

— Могу соединить тебя с Мишкой. Только вряд ли он знает больше. Наверное, лучше позвонить в редакцию, где она последнее время работала.

— Я так и сделаю. — Я поблагодарила и поспешно простилась, не отрывая взгляда от фотографии. Распластилась и вышла на улицу.

Особых мыслей в голове моей не наблюдалось. Зато присутствовало странное оцепенение и еще более странная пустота в душе, точно я потеряла близкого человека, хотя еще три года назад мне казалось, что я сама готова убить Светку. Разумеется, это сильное преувеличение, но жизнь она мне портила основательно и умело.

История эта началась давно, несколько лет назад. Я тогда училась на четвертом курсе факультета журналистики и по мере сил «звездила», потому что, по общему мнению, бог даровал мне не только красоту, но и талант. Слишком много для одного человека. Все давалось мне легко и без усилий. Парни влюблялись если не с первого взгляда, то со второго обязательно, педагоги меня обожали и прочили большое будущее, губернские газеты охотно печатали мои статьи, а главные редакторы с нетерпением ждали, когда я закончу университет и осчастливию их издание своим присутствием. Предложений было хоть отбавляй. Прибавьте к этому папу банкира, который хоть и развелся с мамой, но, должно быть, чувствуя себя виноватым, тратил на меня деньги без меры, что позволяло мне снимать квартиру в центре с выходом на крышу (я гордо именовала ее пентхаусом), раскатывать на собственной машине и проводить каникулы на Средиземноморье. В общем, не жизнь у меня была, а голубая мечта всех

девиц, предмет острой зависти сокурсниц, которые увлеченно обсуждали фасон моей новой юбки и мой очередной роман.

Не думаю, что в то время я была совсем уж безмозглой дурой и такая жизнь мне нравилась. То есть нравилась, конечно, но я надеялась, что вовсе не для этого господь отправил меня в этот мир. Я ждала окончания университета и свято верила, что жизнь моя наполнится тогда смыслом. Иными словами, что есть у меня предназначение...

Я едва не угодила под машину, не заметив красный свет светофора. Водитель махнул рукой, уступая дорогу, а я машинально улыбнулась. Воспоминания так увлекли, что ничего вокруг я попросту не замечала. А между тем на улицах большого города стоит быть внимательнее. Остановить такси? Но я сразу же отказалась от этой мысли, а потом поняла, что не хочу домой. У меня давняя привычка думать на ходу — чем глубже я погружаюсь в свои мысли, тем быстрее шагаю, иногда развивая прямо-таки фантастическую скорость. Моя мама, помнится, всегда нервно ожидала, наблюдая за мной, что я впечаталюсь лбом в дверной косяк.

Я направилась к Потемкинскому саду. Шла знакомой улицей, не узнавая ее. Странное состояние неожиданного провала во времени... Все-таки удивительно, что смерть Светки так на меня подействовала. А я ведь могла о ней и не узнать, если бы не случайность, если бы не мой очерк в газете... Случайность? Откуда у них ее фотография? Вряд ли из личного дела. Впрочем, у нее была своя страничка в Интернете, стихи, которые ей не принадлежали, рассказы, бестолково пересказанные.

Я вдруг с удивлением поняла, что готова разреветься. Такого со мной не случалось с похорон отца! Неужто наша связь со Светкой была крепче и много сильнее, чем я могла себе вообразить, и эта странная пустота — следствие внезапной утраты? Да, я могла ничего не узнать или узнать, скажем, через несколько лет в разговоре с каким-нибудь общим знакомым. «Ты помнишь